

ДЕТСКАЯ ЗАВИСТЬ

Какая была зависть, когда я видел рыбаков с удочкой на берегу реки! Мне было лет шесть-семь. С какой жадностью и вниманием я следил за каждым их движением! В то время достать леску и крючок было почти невозможно, поэтому я нашёл прут длиной метра в два, а вместо лески привязал к нему нитки в несколько штук. Нитки надо было бы скрутить, но я этого не знал. В воде моя снасть раздваивалась, и если было четыре нитки, то каждая нить была отдельно друг от друга. Форму крючка я видел, но вот из чего он сделан, для меня было загадкой. Пытался сделать из тонкой медной проволоки, ушко снасти получалось большое, червяка на него не надеть — разгибается. Из разговоров рыбаков я узнал, что хорошие крючки делает сосед по нашему бараку дядя Ваня Ерёмин. Он делал только на продажу, так что просить и слов не было.

Я вспомнил, что после каждой получки мужики собирались в столовой, пили пиво. Батя мой, бывало, тоже захаживал, хоть и нечасто. И я туда заходил с ним, зная, что мне тоже что-нибудь да перепадёт. И правда: угощали меня мужики конфетами. Здесь я впервые попробовал пива, мне не понравилось. Какая гадость!

Но когда шла большая попойка, нас, пацанов, гнали в шею из столовой. Да и в будние дни нас даже не всегда пускали в столовую. Грязные, голодные дети волчьими

глазами смотрели на еду. Главным нашим врагом была уборщица, она гоняла нас тряпкой. Чтобы купить крючок, я знал, где можно достать копейки. За то время, которое я был в столовой, заметил, что мужики при расчёте роняли мелочь под прилавок. Набравшись смелости, я заскочил в столовую, упал на пол, просунул ручонку под прилавок, вместе с мусором и грязью выгреб несколько монет. Не успел всё собрать, как получил тряпкой по спине.

Стоимость монет я не знал, но, видимо, этих копеек хватило, чтобы приобрести крючок. Какая была радость! Теперь, когда прошло много лет, я понимаю, что крючок был приблизительно номер пять. Чтобы привязать его к моей снасти, четыре нитки в ушко крючка не входили, и пришлось крючок привязать на тонкую проволоку. И вот я на рыбалке. Как заправский, уселся на край моста.

Мост был построен через протоку, которая отделила часть суши. Получился остров, и он был назван — Пашенный. Видимо, в честь купца, который когда-то владел этим островом. Берега протоки были очень высокие — три-четыре метра. Впоследствии для проезда машин были сделаны насыпи, где протока брала начало от Енисея. Засыпали так, что от протоки остались небольшие озёрки.

Усевшись на край моста, забросил снасть в воду (поплавок сделал из коры дерева). Поплавок хорошо виден, сижу, жду поклёвки. Ключёт. Вытаскиваю на моей снасти два ерша, один запутался в нитках, другой на крючке. Ерши были такие маленькие, что я их пожалел. Да и рыбаки, сидящие рядом, устыдили меня: «Зачем губить малышей? Пусть растут». Так что первый блин вышел комом.

На следующий день я поймал крупную широкую рыбку; думаю, что это была сорожка. Взял рыбу в руку и пошёл домой. Дома нашёл баночку, набрал воды, поместил туда рыбу, хвост оказался снаружи. Любуясь своим уловом (в воде рыба казалась большой и красивой), поставил банку с водой на окно, но солнце своё дело сделало. Когда пришли родители, рыба покрылась слизью, её отдали кошке. Так началась моя рыбалка, которая преследует меня всю жизнь — люблю рыбачить.

Помню, и на следующее утро я сидел на том же месте, но снасть забросил на небольшое течение. Долго во все

глаза паялился на поплавок, но поклёвок не было. И вдруг мою снасть потянуло течение. Во, думаю, рыба, но вышло ещё лучше: на мою снасть наплыли пять рублей. Как загнутый листок бумаги повис на моей снасти? Это же целое состояние. Конечно же, я деньги отдал родителям. Как ни берёт я свой крючок, но однажды зацепился за что-то и оборвал. Я залез в воду, уровень воды выше моего роста, в то время я ещё не умел плавать, пришлось рвать. Сколько было слёз, но мою беду развеял тряпичник (так называли мужиков, которые ездили на подводах по дворам и собирали старые тряпки и старую посуду). Я увидел на телеге у мужика настоящую снасть с крючком, толстой ниткой и поплавком. Он сказал, что если насобираю много тряпок, то уже в следующий раз получу желаемое. Да, но я не один пацан во дворе, каждый хотел иметь настоящую снасть. Так начались сборы старых тряпок. Бывало, найдёшь старую грязную тряпку, выполощешь её в воде и сушишь в стайке, прячешь в укромном месте от конкурентов. Так что когда появился тряпичник, пацаны с ворохом тряпок обступили мужика, и каждый получил желаемую снасть.

Зависть меня глодала и тогда, когда я видел настоящие коньки, лыжи и санки. Мы жили в бараке, где были ссыльные и вербованные. Богатых людей там не было, хотя на острове жили и зажиточные семьи, дети которых имели многое. Первое, что я смастерил, были санки, топором кое-как затесал концы брусков. Сейчас я могу представить, какой был затёс тупым топором. Поперёк брусков набил досточки. У нас даже гвоздей не было, а про молоток и говорить не стоит. Гвоздей я насобиравал на мусорках, навывтаскивал с заборов. Санки получились тяжёлые, так что пока гора крутая — они ехали, как только поположе — останавливались как вкопанные, и дальнейшее моё движение было кубарем по снегу.

Решил я смастерить и лыжи, благо пиломатериала было вдоволь (мы жили около лесозавода). Нашёл досточки подходящие, метра по два длиной и нетолстые, ножом кое-как подчистил подошву лыж, ножом же заострил концы. Лыжи получались прямые, но как ездить на прямых?

Я даже не знаю, сам сообразил или кто подсказал, что для того, чтобы загнуть концы лыж, их надо варить в

кипятке. Пока родители были на работе, я протопил печь и варил концы лыж в кастрюле. И действительно, после варки концы лыж легко загибались. Чтобы сохранить загиб, нужна была страховка. Мне приходилось подсовывать лыжи под ножки топчана, загнутые концы привязывал шпагатом, который получали от транспортёрных лент. Шпагат привязывал к ножкам топчана. Правда, моего загиба хватало на одно катание, поэтому приходилось варить лыжи каждый раз, как собирался кататься. Я даже не могу вспомнить, что было на моих ногах.

Моя первая вылазка на лыжах закончилась плачевно. Лыжи, так же как и сани, хорошо шли с горки, но на пологой местности становились тормозом, и я летел кубарем по снегу вместе с креплением. Я делал петли для ног из транспортёрной ленты. Сколько было мучений, чтобы топором забить гвозди, все пальцы были отбиты. Было дело, что лыжи ломались, делал новые. Кто-то меня надоумил, что надо натереть подошву лыж свечкой: и правда было лучше, теперь поломок стало меньше.

Когда появлялся лёд на озерках, опять давила меня зависть, глядя на ребят, которые ездили на снегурках (так назывались коньки с загнутым носом). А какой у меня был материал? Только дерево. И я отрезал два бруска на всю длину своей ступни, каждый брусок по длинной стороне тесал на конус. Предварительно каждый брусок закруглил. Вдоль узкой стороны бруска сделал канавку и уже по канавке закрепил толстую проволоку, концы которой забил спереди на тыльной стороне колодки. Чтобы привязать колодки к ногам, мне пришлось прожигать гвоздём дырки для шпагата.

Однако моя конструкция была неудачной, коньки переворачивались набок. У бати на работе я нашёл железные пластинки и прибил к колодкам коньков. Впоследствии я выяснил, что раз плохо кататься на льду, нужно цепляться за проходящие машины. Эта привычка меня долго преследовала: даже учась в пятом классе, я продолжал цепляться за машины и ехал от дома до школы более трёх километров.

В школу я пошёл в 1948 году. Как помню, пойдёшь голодный — и придёшь такой же. Форма одежды — фуфайка

и рваные штаны. Букварь я выучил наизусть ещё до школы, поэтому учиться было неинтересно. Главной проблемой было питание. Вот и спасала летом рыбалка.

ЗА ОРЕХАМИ

Как только покрывается зеленью земля, сибирская тайга предлагает нам свои дары. Первый урожай её — черемша, через некоторое время появляется жимолость, потом чёрная смородина и кислица, дальше — грибы, Ближе к осени появляются кедровые шишки, и уже в сентябре — кедровый орех. Вот тогда и появляется желание сходить в тайгу за орехами.

В одну из пятниц сентября группа из четырёх человек — я и мои друзья — отправилась в тайгу за орехами. Спирин Владимир Яковлевич, Володя Свищёв — оба высокие, по метр восемьдесят, я — метр шестьдесят пять, и самый мелкий из нас — Коля Муруев, рост которого метр пятьдесят восемь. На первой электричке доехали до станции Снежница. На станции с нами вышло ещё человек десять, сразу можно понять — шишкарки. За плечами мешки из-под картошки. В то время рюкзаков с широкими лямками мы ещё не знали. Вместо лямок к мешкам привязывали бельевые верёвки. По углам мешка клали по одной картошке, завязывали их на удавку и верх мешка тоже.

Вся группа направилась на юг по вытоптанной тропе. Уже через какое-то расстояние шишкарки начали теряться, уходить от нас в таёжные дебри. Мы же прошли ещё несколько километров, направляясь на юго-восток. Пока шли по вытоптанной тропе, было нетрудно, а вот когда зашли глубже в лес, тогда и узнали, что такое тайга. Трава высокая, много валежника, ноги в траве путаются, через валежник перелезть трудно. Приходится карабкаться. Наши два здоровяка, как сохатые, шли напролом, трава им нипочём.

Мы обследовали несколько деревьев, но шишек было мало. Весь почти урожай собрали до нас. Я залез на кедр и в бинокль стал осматривать местность. Синева кедровых шишек выдала мне, где расположен кедровник. Но чтобы попасть туда, надо было пройти болотце, заросшее

кустарником смородины, черёмухи, крапивы. По правде говоря, мы уже устали, блуждая по тайге, но видимый впереди кедровник придал нам силы.

Преодолев полосу кустарника, вышли на место. После многочасовой ходьбы сделали привал. Наскоро перекусив, распределились, кто с кем пойдёт за шишками. Я пошёл с Владимиром Спириным. Он был участником Японской войны, получил ранение левой руки и, естественно, лазить по деревьям не мог. Я же не первый раз уже хаживал за шишками, так что знал, как и что. А Коля и Свищёв, как оказалось, ни разу ещё не ходили за шишками. Мне пришлось проводить инструктаж,

«Если забрался на кедр, старайся держаться за ствол дерева, на ветви далеко от ствола не становись,— сказал я им.— Вокруг кедра надо примять траву. Упавшие шишки трудно отыскать в траве. Один лезет на дерево, а кто стоит внизу, должен надеть на голову шапку или чем-то прикрыть голову. Ещё надо с собой взять шест метра полтора или два, чтобы сбивать шишки».

Мы с Яковлевичем к пяти часам принесли полный мешок шишек. Решили ещё пойти. К вечеру мы принесли ещё два мешка. Коля и Владимир принесли столько же. Ночь уже начала окутывать тайгу чёрной вуалью. Чтобы не терять даром время, развели костёр. При свете костра я уселся на валежник, вооружился валиком. Коля только успевал подкладывать шишки. Я дробил шишки и стребал рукой в противень, Свищёв просеивал. Орех, как горох, сыпался на полиэтиленовую плёнку. Спирин варил ужин — кашу с тушёной.

Утром мне пришлось делать лесенку, так как стволы деревьев толстые, да и сучки от земли высоко. Свищёв мог посадить Колю до ближайшей ветки, мне же приходилось карабкаться до самых сучьев. Я взял медную проволоку диаметром миллиметра полтора, срубил две ёлки высотой два с половиной метра, нарубил поперечники, прикрутил проволокой. Получилась прекрасная лестница.

В субботу Коля с Владимиром пошли за шишками, а мы со Спириным остались крошить уже заготовленные. К обеду заготовщики принесли ещё мешок шишек, так что суббота была продуктивной. Вечером при свете костра, сидя на валежнике,

я снова дробил принесённые шишки. Утром всё просеяли и поделили, каждому досталось по ведру чистого ореха. Ещё каждый из нас сверху на орехи наложил целых шишек.

Наутро поехали домой. Я Коле говорил: «Не бери много шишек, будет тяжело». Но бесполезно: маленький, коренастый, полный сил, он надеялся донести полный мешок. Это упорство вышло боком.

Перед тем как идти, подкрепились — и в дорогу. Опять эти два «сохатых» впереди, мы за ними. Высокая трава, валежник, кустарники быстро вымотали нас. В конце концов вышли на едва заметную тропу, которая ныряла в сплошную стену кустарника. Ориентировались только по просветам между кустов. Но чтобы добраться до просвета, надо было пройти через небольшое болото. Когда прошли болото, в кустах лежало большое дерево — около семидесяти сантиметров в диаметре. В зарослях сплошного кустарника ни начала, ни конца этой валежины не было видать. Чтобы перелезть через дерево, нам пришлось снимать ношу. Мне и Коле преграда была по грудь, ноги были в болоте выше щиколотки. Мужики помогали, как только оказались на другой стороне бревна, здесь была сухая тропа.

После нескольких часов блуждания по тайге решили передохнуть. Плечевая ноша уже значительно измотала нас, да ещё бельевая верёвка врезалась в плечи. Я очень беспокоился за Колю. Ещё когда подходили к валежине, он еле стоял на ногах. Уже сидя на отдыхе, мужики высказали мнение, что мы идём не в ту сторону. Шум и гудки проезжающих паровозов были слышны с той стороны, откуда мы пришли. Мне пришлось напомнить, что когда мы вышли из электрички, солнце светило нам с правой стороны, а теперь оно светит с левой. Чтобы успеть на электричку, надо было торопиться. Два Володи пошли вперёд. Я помог Николаю надеть мешок, он с мешком сел на валежник, стал завязывать лямки на груди. Я его спросил: «Всё хорошо?» Он махнул рукой: «Можешь идти, я догоню», — и я пошёл. Всё время оглядывался, но его не видел. Вернулся. От увиденного чуть не упал в обморок. Над валежиной торчали подошвы его кед. Видимо, он поторопился, резко поднялся, и мешок перевернул его через ствол. Лёжа на мешке спиной

к болоту, как черепаха, вверх ногами, он самостоятельно не мог подняться. Мне пришлось снимать кеды, опять мочить ноги. Но поднять его не получилось. Надо было обрезать верёвки. Я решил подсунуть руки ему под мышки и с силой потянуть Николая, но в результате упал на заднюю точку. Коля лежал у меня между ног, мы оба были в воде. Через некоторое время, не дождавшись нас, вернулись два Владимира. Они над нами посмеялись, помогли перебраться через валежник. Нам пришлось снова разводить костёр и сушиться. Ладно, одежду можно высушить, но вот орех-то как?

Орех напитался водой. Шишки выложили на траву, а мешок с орехом подвязали за два угла и за горловину между двух деревьев. Теперь мешок висел в воздухе. Под ним развели костёр и периодически перетряхивали. Вся эта процедура заняла около трёх часов.

Был уже шестой час вечера. Но кто мог сказать, сколько нам надо было ещё пройти? Как мы ни торопились, тень накрыла нас, пришлось определяться на ночлег.

Уже сидя около костра, мы слушали стук колёс проезжающих поездов. Утром по едва заметной тропе вышли к железнодорожному полотну. Указателя не было. Решили идти на запад — и правильно: километров через пять пришли на станцию Снежница.

Надо сказать, что хождение по шпалам — не такой уж кайф. Шпалы уложены неравномерно, приходится семенить, а при встречном поезде — уходить с полотна. Не такая уж радость — с грузом нырять в кусты. Электричка в Красноярск уходила только вечером. Но нам повезло: товарный поезд остановился на запасном пути, чтобы пропустить скорый. Мы сумели, помогая друг другу, забраться в тамбур.

Мы знали, что при въезде в город милиция ловила шишкарей, путешествующих на товарняках, отбирала груз, да ещё и штрафовала за то, что ездили на товарняке.

Мы понадеялись только на русский «авось». Так и вышло. Перед въездом в город состав притормозил, и мы сумели покинуть поезд. В складчину наняли такси и к вечеру добрались до дому. Шёл 1965 год.